

КРОКОДИЛ

№ 3(1725) • ГОД ИЗДАНИЯ 42-й • 30 ЯНВАРЯ 1964

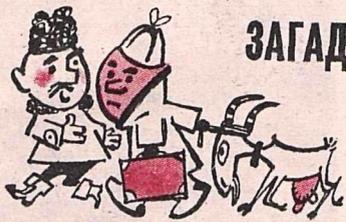
МОЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Радикальный
способ борьбы
за чистоту
водоемов.

ОБЕЩАЮ
НЕ ЗАГРЯЗНЯТЬ
ВОДОЁМЫ!!

Э. УСПЕНСКИЙ

ЗАГАДКА

— Послушай, почему ты уходишь из совхоза? Может, здесь порядка мало?
 — Порядка-то мало. Да не в этом дело.
 — Может быть, работа неинтересная?
 — Работа-то неинтересная. Да не из-за нее.
 — Может, комнаты нет?
 — Комнаты-то нет. Да не в этом дело.
 — Может быть, скучно? Развлечений никаких?
 — Развлечений-то никаких. Да только не поэтому.
 — Может, столовая плохая?
 — Столовая, конечно, плохая. Да не в этом дело.
 — Может, ясли плохо работают?
 — Ясли-то вообще не работают. Только не из-за них.
 — Так в чем же дело? Объясни, пожалуйста.
 — Дело-то? Да я и сам не знаю. Только не нравится мне здесь. А что не нравится, никак не пойму.
 — Ну, а куда ты уходишь?
 — Да в соседний совхоз.
 — А что, там порядка больше?
 — Порядка-то больше. Да не в этом дело.
 — Может, работа поинтереснее?
 — Работа-то поинтереснее. Да не из-за нее.
 — Может, комнату дадут?
 — Комнату-то дадут. Да не в этом дело.
 — Может, веселее там? Развлечений больше?
 — Развлечений-то больше. Только не поэтому.
 — Может, столовая получше?
 — Столовая-то получше. Да не в этом дело.
 — Может, ясли у них имеются?
 — Имеются-то имеются. Только не из-за них.
 — Так в чем же дело-то?
 — Дело-то? Да я и сам не знаю. Только нравится мне там. А вот что нравится, никак не пойму...

том дворе — трава, на траве — дрова. И разный хлам — отходы науки.

Земли нет, а сажать нужно. Капусту. Для науки. Капустологии. И вот убрали дрова и разный хлам. Посадили капусту. Почти целый гектар.

Стали ученые на этом участке опыты закладывать. В тесноте, да не в обиде. Близко и нехлопотно. Не как в колхозе или совхозе. И на командировочных большая экономия.

Пришло время — убрали капусту. Урожай подсчитали. На делянках-пяточках. Потом отчеты написали, докладывать стали.

— От моего опыта прибавка урожая пять тонн, — сказал один ученый.

— От моего тоже пять, — сказал другой.

— И от моего пять, — сказал третий.

Ученых много было. И у каждого прибавка. Пять тонн. Не меньше. Вагон капусты в общей сложности. Пульман, если не два. Богатство!

Все были очень довольны. И наукой и капустой.

Прослышал об этом завхоз. Человек новый. В капустологии несведущий. Встревожился этот завхоз.

— Никаких прибавок, — говорит, — не знаю. Всей капусты на складе — три тонны. С кочерыжками и гнилью.

Ученые ему разъяснять стали.

— За наши прибавки, — говорят, — с тебя прокурор не просит. Все это, — говорят, — в пересчете на гектар. Не вообще, а только для науки. Биологический урожай!

А завхоз свое:
 — Для вас биологический, а для меня — приход-расход. И инвентаризация. Гоните капусту в соответствии с отчетами. Пульман. Даже два.

Тогда ученые рассердились. Все сразу. И уволили завхоза. Не то за капусту, не то за науку — понять трудно. Но по собственному желанию.

...Теперь в НИИ новый завхоз. Опытный товарищ: капусту с капустологией не смешивает.

г. Ташкент.

А. СУКОНЦЕВ

БЕГИ, ЗАЯЦ!

Мое душевное состояние утром первого января описывать, думаю, не стоит. Большинству читающих состояние это знакомо. В такие минуты так и подмигивает, лежа в постели, крикнуть нечто весьма архаичное:

— Катя! Рассолу-у-у!

Но по многолетнему опыту наших взаимоотношений с Катей я знал, к чему может привести эта

минутная слабость. И я не закричал. Я как мог равнодушнее сказал:

— По-моему, нас приглашали сегодня еще на пиво? В Звенигород. К Крупниковым.

Я даже поморщился на слове «пиво». Хотя в душе сознавал, что именно оно как нельзя более отвечало возросшим за новогоднюю ночь потребностям.

Разумеется, у Кати имелось на этот счет собственное мнение.

— В Звенигород мы обязательно поедем, — сказала она и посмотрела на меня так нежно, как смотрит служитель медвытрезвителя на страдающего клиента. — Покатаемся на лыжах. Это тебя освежит лучше всякого пива.

Спорить с Катей бесполезно. Сказала — как отрезала.

У нее, у Кати, эта черта фамильная. От бабушки Настасьи по наследству досталась. Катина бабушка была выдающейся для своего времени женщиной. В том смысле, что деда в ежовых рукавицах держала.

Как-то раз поехала Настасья Фаддеевна с другими деревенскими женщинами в лес по дрова. И произошел там эпизод, который в семье хранится как легенда.

Приехали они в лес и вдруг видят: из-под елки заяц-беляк выскочил. Глянула на него Настасья и говорит товаркам:

— Замечали вы, бабы, у беляка на самых кончиках ушей чернилка от лета остается? И вот я все думаю: догнать бы его, лешего, состричь чернилку с ушей — бабья воля бы вышла. Вот уж тогда мужики и пикнуть бы у нас не посмели.

Поглядела она на своих подружек да как крикнет:

— Догоним, девки, а?

Вот какая женщина была Настасья Фаддеевна!

Так что это у моей Кати наследственное. Сказала на лыжи — встаем на лыжи. О Крупниковых забудь думать. Пиво выкинь из своей хмельной головы. Шагом марш! Запевай!

Приехали на электричке в Звенигород, идем по улице, вижу: у Крупниковых дым коромыслом — вся вчерашняя компания, надо полагать, съехалась.

А мы мимо дома с песнями:

«Раз, два, — горе не беда!
 Канареечка жалобно поет!..»

Ох, уж жалобно! Что верно, то верно.

Поднялись на какую-то возвышенность, поросшую кустарником. «Пристегнуть ремни!» — команда. Пристегнули. Поглядел я вниз, и как-то мне совсем невесело сделалось. Слово кружение в голове. Не отвечает это мероприятие моим потребностям.

Катерина моя палками оттолкнулась — и вниз. Глянул я и вдруг, мать честная, что вижу — беляк из-за куста выскочил. Напугала его Катерина, будто очумел он. Сидит и с места не двигается. Черненькие кончики ушей дрожат от страха. Вот-вот она его на лыжину подденет. Хмель у меня из головы долой. Вспомнил я семей-

ную легенду, набрал воздуха побольше, гаркнул что было силы:

— Заяц, родной, беги-и-и!!!

То ли услышал меня косой, то ли сам в ум пришел, — припустил с горы что было духу.

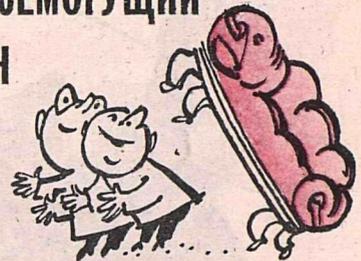
Скрылись заяц с Катериной в лесу. А я стою в расстройстве чувств. Повернул лыжи на девяносто градусов и прямым сообщением к Крупниковым — пиво пить.

Не знаю, догнала Катерина заяца или нет, но за самовольную отлучку с трассы не ругала меня. И за пиво тоже слова не сказала.

И. СЕДОВ

ВСЕМОГУЩИЙ

ОН

Ему подчинено все, потому что он обеспечивает план.

А план — это закон. План надо выполнять. И точка!

Он диктует сменные, суточные, декадные, месячные графики выпуска продукции в разрезе цехов и в масштабе всего мебельного комбината.

Он присутствует на всех производственных совещаниях и собраниях, на летучках, планерках и накачках. О нем говорят в перекурьи и в обеденный перерыв. По отношению к нему не устанавливают регламента и не применяют других процедурных ограничений.

Он без скрипа получает необходимые фонды на материалы и лимиты по труду и зарплате. Гонцы-молодцы, не жалея здоровья и командировочных, везут из дальних и близких мест уйму всяких ценных и бесценных вещей, без которых ему не жить.

На нерадивых и нерасторопных он действует рублем, а расторопных и умелых поощряет премиальными и прочими надбавками к основной заработной плате.

Он запросто входит в кабинеты руководителей местной промышленности. Для него не существует приемных часов и строгого взгляда секретаря. Ему бывают и не рады, но с ним считаются, потому что он обеспечивает план.

Многим он не нравится. Его критикуют, о нем пишут в газетах, сочиняют фельетоны и злые сатирические стихи. Но он с деревянными равнодушным выдерживает самые страшные, арестные наскоки и как ни в чем не бывало стоит, величественный и несокрушимый.

Ни время, ни годы не меняют его облика.

Он могуч!
 Он всемогущ!
 Он — плюшевый диван!

г. Пенза.

И. СКВОРЦОВ

ЗАВХОЗ И НАУКА

В большом городе жил-был НИИ — научно-исследовательский институт, значит. Тоже большой. Капустологический.

Земли у него не было. Но был двор. Широкий-преширокий. На

— Передай в район: связь налажена, ждем указаний.

Рисунок И. СЫЧЕВА

Подкладки бывают разные. Это зависит от климата и географической широты. Есть шелковые, Сатиновые. Стеганые, на вате. Бывает, ставят меховые и из остродефицитного гагачьего пуха.

Завскладом Ружичнянского райпотребсоюза рассудил, что для климата Хмельницкой области лучше всего подойдет подкладка из гирь и разновесов. Он сшил себе такой странный пиджак. И когда приходил в своем тяжелом пиджаке на службу, с него капал крупнозернистый пот.

— Рабочие,— говорил завскладом,— садитесь вокруг, и проведем летучку. Герасименко, ты заводи мотор и поезжай по рынкам. Закупай самые плохие фрукты. А ты, Атаманчук, и ты, Литвин, отправляйтесь лакировать чернослив.

Сам завскладом становился к весам и начинал принимать излишки сельскохозяйственной продукции у населения. Оперировал он гирями из пиджачной подкладки. Принимал продукты, а сам все думал о сыне, о школе. Сегодня решается животрепещущий вопрос: дадут или не дадут? Вот какими мучительными размышлениями был занят папа Пойзнер, продолжая оперативно руководить трудовым процессом:

— Литвин! Ну, как ты трешь этот чернослив! Так и одну тонну в день не обработаешь. Смотри, вот как надо...

И завскладом показал, как следует лакировать третьесортный чернослив паточкой. Тереть до той поры, покуда фрукт не заиграет дорогим мебельным блеском. А потом можно отправить его на продажу первым сортом.

День Я. М. Пойзнера был удивительно насыщен. После операции «чернослив» взялись за другую. Сливовые косточки, привезенные со двора Гнатовского консервного завода, засыпали в компот для утяжеления. Рецепт был такой: три тонны компота — семьсот килограммов косточек.

Потом заправили дорогой грушевый компот тонной лесного дичка, принятого у колхозников.

Вечером завскладом подбивал итог. И было что подбивать! Когда принимаешь продукты, тут как раз нужна утяжеленная гирька. Колхозник думает, будто сдал центнер мяса, а этот центнер весит на пуд больше. Такие гири с «приварком» и держал в пиджаке Пойзнер.

— Мама, что я буду делать! — застонал от восторга кладовщик, когда подсчитал набежавшие за день мясные пуды. — А объединю-ка я их в трех коров! Только от чьего бы имени

ВЫ МНЕ ПИСАЛИ...

ТОЛЬКО ЮБКИ!

«Нынешней зимой мы отдыхали в «Волковицах» под Ленинградом. Директор дома отдыха Г. Д. Дудник запретил женщинам в брюках появляться в столовой. Нарушительниц этого распоряжения он грозил оставить без обеда...

Супруги МАСЛЕННИКОВЫ (г. Ленинград).

Уважаемый товарищ Дудник! Потрясены вашей пламенной любовью к юбке как к таковой. Эх, вам бы в Шотландию: там не только женщины, но и мужчины ходят в юбках!

К НАМ ЕДЕТ

их сдать? Да вот же! — озаренно воскликнул Пойзнер и выписал квитанцию на имя своей прапрапрадеды, умершей в период «ура, мы ломим, гнутся шведы!». Остальных коров и прочих парнокопытных, составленных из краденого мяса, Пойзнер сдал государству тоже от имени мертвых душ. А деньги — себе. Много денег принес этот день. Сумма вышла толстощекая. Коровы. Плюс компот с косточками дал двести рублей. Плюс лакированный паточкой чернослив, бросовый дичок, обреченный с благородной грушей, — они принесли чистого дохода 630 рублей. Славный день. А сколько таких было за четырнадцать лет работы на базе!

Пойзнер запахнул подбитый воровскими гирями пиджак, оплатил подчиненным ежедневное молчание и по сильную помощь и отправился домой.

— Ну что, сынок, — спросил дома подпольный миллионер, — был этот родительский совет?

— Да, папа, был, — ответил мальчик. — Они постановили, раз у тебя такое тяжелое материальное положение, купить мне пальто, шапку и рукавички.

— Добрые сердца у этих людей, — размягченным, как топленое масло, голосом сказал папа. — Я тоже сделаю тебе подарок, сынок. Мы не будем покупать сахар к чаю, накопим денежек — и я куплю тебе фотоаппарат.

Так сказал бедный, неимущий папа, а через полгода из его тайников под-

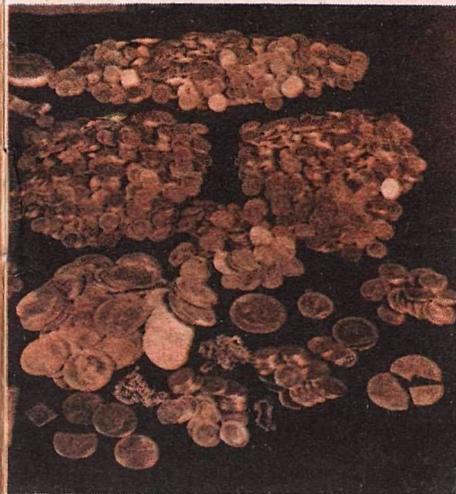
ВПОТЬМАХ

«У нас в Мурманске на складах управления «Мурмансельдь» почти совсем нет ламп большой мощности для прожекторов, и наши снабженцы уверяют, что достать их невозможно. В результате траулер № 706, которым я команду, вышел в Северную Атлантику на три с лишним месяца, имея всего одну киловаттную лампу на три прожектора.

Капитан Г. МАРЧЕНКО (г. Мурманск).

Уважаемый начальник снабжения управления «Мурмансельдь» товарищ Бойцов! Поскольку вы не можете обеспечить траулеры лампами, нельзя ли по крайней мере снабдить их светлячками? Или обеспечить северным сиянием?

РОТОЗЕЙ!

няли пуд золота, вороха денег, облигаций и валюты (см. фото).

Старичок Ш. Курис работал в том же Ружичнянском районе, что и Пойзнер. Он собирал утильсырье по мандату того же райпотребсоюза. Больше всего на свете он любил пить газированную воду. Пил ее каждый раз у одного и того же продавца. Потому что он давал хорошую сдачу с пятячка: когда сто, а когда и двести долларов.

Этот продавец был последним звеном в цепи агентов, закупающих доллары для спекулянта валютой Ш. Куриса. За свою долгую жизнь старичок с лицом глубоководной рыбы украл у народа тьму денег: семьсот тысяч рублей.

В той же Хмельницкой области, в областном центре, жил человек с зарплатой в восемьдесят рублей. Каждый день он ездил в поселок Деражня на такси. Но странное дело: вылезал из машины за два квартала до места работы и шел дальше пешком. Может быть, закрыщик из Деражни Я. Гуртовенко любил прогулки? Отнюдь нет. Закрыщик боялся лишних разговоров.

В артели «Соревнование» он вместе с ее руководителями соревновался, кто больше украдет. Банда украла десятки тысяч метров шевиота и подкладочных материалов, тонны ваты, прорву обувной кожи. Метод ограбления производства был прост: выпускали бурки 36-го разме-

ра, а расход материалов списывали на бурки 43-го размера. «Сэкономленный» материал продавали в Хмельницком, через магазин горпротмторга № 9. Выручку превращали в золото и валюту.

И вдруг грянул гром. В капитальном доме с решеткой на окнах близкими соседями оказались все подпольные миллионеры: и человек в пиджаке на железной подкладке, и любитель газированной воды, и закрыщик из Деражни.

В системе хмельницкой кооперации раскрыты и обезврежены три банды. Но, как ни странно, в этом нет ни малейшей заслуги ревизоров облпотребсоюза. Они провели двадцать девять ревизий на перевалочной базе у Пойзнера и во всех актах ревизий вывели сплошные «положительные результаты».

Та же самая простота, что хуже воровства, отличает и поведение А. Я. Вишневого, бывшего председателя райпотребсоюза и прямого начальника Пойзнера. Даже на следствие он принес умильные характеристики Пойзнеру и утверждал, что тот «отправлял качественную продукцию».

Ах, товарищ Вишневский! Надо любить и варить компоты. Компоты способствуют выработке правильного представления о подчиненных. Если бы вы хоть раз сварили компот из «качественной продукции», вы бы употребили совсем другие слова.

Изоблечить банду с комбината бытового обслуживания не составляло особого труда. Работала она топорно, грубо. Но ревизоры И. Сигал, Б. Носовицкий и другие как-то умудрились не заметить откровенного финансового разбоя.

Тем непонятнее молчание центрального органа украинской кооперации — «УКООПСИЛКИ». Чтобы побудить ревизоров Хмельницкой области к активности, она распорядилась всего лишь... урезать им премиальные. А система и методы руководства кооперацией в Хмельницкой области остались прежними.

Но ревизорские массы области как-то не вдохновились урезанием премий. Ревизии как были поверхностными, так и остались. И легко представить, что где-то опять нечестные люди лезут в торговлю и слова «К нам едет ревизор!» воспринимают с тонкогубой негодяйской ухмылкой:

— К нам едет ротозей.

Я. НЕМЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент
Кронодила

Хмельницкий—Москва.

ЗАТЕРТЫ ВО ЛЬДАХ

«У меня испортился пылесос «Вихрь», изготовленный на ленинградском заводе «Электромет». Сухумский комбинат бытового обслуживания попросил завод выслать запчасти. Спустя полгода, в декабре, ленинградцы сообщили нам, что запчасти высланы водным путем — на грузовом пароходе «Вишера».

Н. ВЕЛИЧКО
(г. Сухуми).

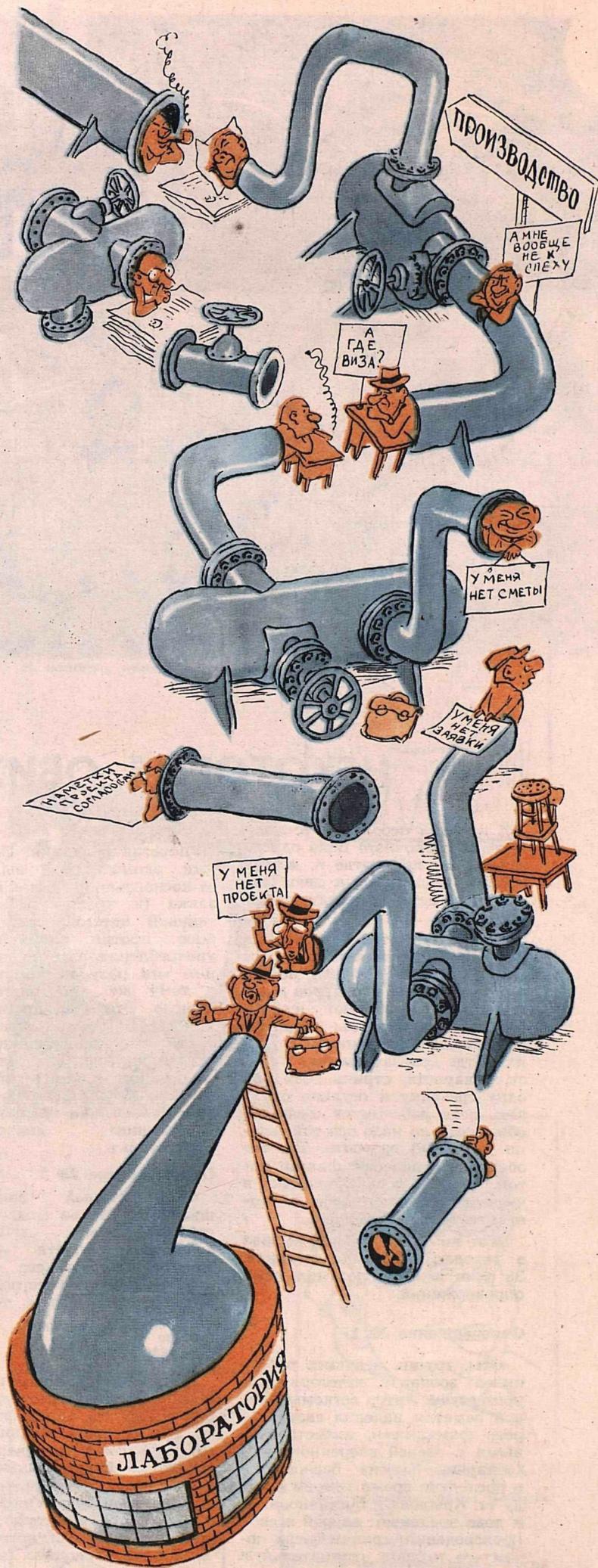
Уважаемый заместитель директора завода «Электромет» товарищ Подрожанский! Как вам, наверное, известно, зимой реки замерзают. Поэтому просим срочно отгрузить по железной дороге 1 (один) ледекол для обеспечения проводки высланных запчастей к пылесосу.

ОБЕЩАННОГО ТРИ ГОДА ЖДУТ

«Четвертого января я получил письмо из Крыма, отправленное авиапочтой три года назад — 10 мая 1961 года. По почтовым штемпелям мне удалось выяснить, что Аэрофлот не виноват. Письмо провалялось 3 года в почтовом отделении города Жуковского, Московской области.

А. Ф. ОСИПОВ
(г. Жуковский, Московск. обл.).

Уважаемый товарищ Осипов! Поразмыслив над вашим письмом, мы пришли к выводу, что в ряды жуковских почтывиков затесался бывший винодел. Привычку выдерживать вино в подвале он перенес на почтовую корреспонденцию.

Бюрократические пробки в трубопроводе.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Получите — и распишитесь

Тбилиси, улица Дзnelадзе, 37.
А. К. НИКОЛАИШВИЛИ.

Здравствуйте, Алеша!
Надеюсь, Вы не сочтете это обращение слишком фамильярным. Вы же подписываете свое циркулярное письмо руководителям ресторанных оркестров именно так. А я, хоть не подвизаюсь в ресторане, всегда за музыку.

Меня очень заинтересовали и ноты, прилагаемые к Вашему циркуляру, и портрет, поверх которого ноты отпечатаны. Гляжу на это прелестное сочетание — и не налюбуюсь.

Подумать только! Такой цветущий, обольстительно улыбчивый мужчина целиком — по самую кепку — погрузился в пучину звуков. И творит, творит, творит... Во всех жанрах и на любой манер.

Для ценителей возвышенного у Вас припасена песня «Небесная соседка», для любителей природы — «Вишни под дождем», «Светящие виноградные цветы» и «Черноглазая смородина». Для горожан — «Уличная певица», для селян — «Колхозные поля». На утеху мореплавателям — «Матросская лирическая»... Всего, по циркулярному списку, тридцать один номер с текстами на четырех языках. Просто диву даешься, когда это Вы, такой молодой, успели на творить столько опусов!

А ведь песни, перечисленные в Вашем циркуляре, еще не все. У Вас и многое иное припасено. И, не желая закапывать талант в землю, Вы предупреждаете потенциальных заказчиков: «Насчет остальных соло, ансамблей и оркестровок должны заранее списаться, и вышло отдельный каталог нот».

Если не затруднит, вышлите, пожалуйста. Только вот цена меня немного смущает. Вы пишете, что каждая песня с отправкой и перепиской обойдется (не считая гонорара за исполнение) от рубля до двух. А нельзя ли скинуть? Как оптовому покупателю? Телеграфируйте, какая Ваша крайняя цена. Может, и сторворимся...

Учитывая, что ноты и знаки отпечатаны на открытке мельче портрета, Вы подсказываете выход: «Микроноты пригодны для переписки при наличии увеличительной лупы или же зоркого зрения».

Абсолютно с Вами в этом согласен. Но в лупе не нуждаюсь. Потому что, по совести говоря, вижу все насквозь.

НАКРЫЛИ

Рисунок Е. ГУРОВА

НЕКОТОРЫЕ ОБИЖАЮТСЯ...

Я написал небольшую статью о делах оборочного цеха одного завода. В этой статье я, между прочим, обращаюсь к двум работникам цеха со следующими словами:

«Я должен отметить, что до сих пор никто из вас, ни Волков, ни Слонов, ни разу не заикнулись о том, что Львов и его помощники работают спуска рукава. А теперь вы уверяете, что Львов — бездельник и грубиян. А где доказательства? Нельзя, товарищи, стричь всех под одну гребенку и огульно охаивать всех работников. Если вы обвиняете, то надо все тщательно и честно взвесить. Вы же обещаете привести факты потом, то есть после дождичка в четверг, в зависимости от того, откуда ветер подует».

Этот небольшой абзац вызвал в городе большое оживление. За один день я получил семь опровержений.

Опровержение № 1

«Мы, группа ведущих работников зоопарка, категорически протестуем. Автор легкомысленной заметки наделил своих героев фамилиями, заимствованными у зверей вверенного нам зоопарка. Многие баснописцы в последнее время (имеем в виду т. Крылова и Михалкова) то и дело вовлекают зверей в свои произведения, причем звери почему-то играют отрицательную роль. Ни одного положительного образа. На этот скользкий путь встал и автор заметки. Такой подход не способствует разрядке напряженности в отношениях между человеком и зверем».

Опровержение № 2

«Дорогая редакция! Сейчас я уже окончательно вылечился от косноязычия. Но как бывший заика (и притом весьма активный) категорически возражаю против злонамеренного употребления автором выражения «ни разу не заикнулись», к тому же в отрицательном смысле. Это — нездоровое обобщение: не все заикающиеся граждане — молчаливики и мещане. Многие из них смело выступают с критикой недостатков, не боясь споткнуться о такие слова, как «заведующий», «помощник», «начальник», «секретарь».

Опровержение № 3

«Как старый закройщик швейного ателье мод, нахожу оскорбительным выражение «работают спуска рукава». Прошу заменить его словами «засучив рукава», что полностью соответствует модам текущего сезона».

Опровержение № 4

«Вы пишете: «Нельзя стричь всех под одну гребенку». Это что — намек на парикмахерскую № 17?! Стыдно, товарищ писатель, орудовать непроверенными фактами! Я догадываюсь, кто вы такой: в понедельник я вам поправил височки и побрил физиономию, а вы гордо отказались от одеколона, который является не роскошью, а гигиеной. Прощайте. Как сказал поэт: «Была без чаевых любовь, разлука будет без печали».

Опровержение № 5

«Спрашивается: к чему автор заметки делает нездоровые вы-

воды против нас, работников бюро погоды? Зачем ему понадобились намеки насчет дождичка в четверг и насчет ветра, который неизвестно откуда подует? Собираюсь лично прийти в редакцию для подробных объяснений. Приду, как только установится погода, а сейчас у меня поясницу ломит, а это верная примета — будет дождь или метель».

Опровержение № 6

«Что означают, товарищ корреспондент, ваши грубые слова «тщательно и честно взвесить»? Надо вежливее выражаться. Просим напечатать, что это не имеет отношения к магазину № 16, где контрольные и прочие весы в полном порядке».

Опровержение № 7

«Не понимаю, тов. редактор, зачем автор заметки поднимает старые дела? Как бывший следователь райпрокуратуры, категорически отмечаю всякие невыдержанные намеки на мой счет. Чего, например, стоит каверзный вопрос: «А где доказательства?»! Я уже давно переменил профессию, и нечего ворошить прошлое. Прошу поместить опровержение и, кстати, сообщить, кто он, этот автор, привлекался ли к ответственности, кто его родители и есть ли у него справка с последнего места работы?»

* * *

Вот и все. Больше пока опровержений не поступало.

Г. РЫКЛИН

С. ШЕВЕЛЕВ

З а т е м н е н и е

За последнее время очень многие кинооператоры перешли на амплуа режиссеров...

— К вам можно, Василий Еремеевич?

— А-а, дорогой мой! Доброго здоровьичка! Заходите, садитесь! Рад, бесконечно рад! Какие творческие планы?

— Василий Еремеевич! Товарищ директор! Я пришел к вам как человек к человеку! В ваших руках моя дальнейшая судьба. Заветная мечта, так сказать. Хочу снимать картину!

— О чем разговор?! Хоть завтра. Вы, как один из наших лучших операторов...

— Да нет, вы меня не поняли! Я хочу поставить картину. Говоря откровенно, я никогда не любил свою профессию. Объективы там, контражурные разные, панорамы... это все не для моей тонкой души. Вот режиссура — это да! Отдать всего себя без остатка, раствориться целиком в высокомо искусстве. Дать народу то, чего народ ждет от нашего кино, — вот цель моей жизни!

— Владимир Аркадьевич, голуба! А вы справитесь?

— Василий Еремеевич, помилуйте! всю жизнь на съемочной площадке. И все время рядом с режиссерами. Крупные планы — кр. пл. Затемнение — зтм. Монтаж. Система Станиславского... Психологическое раскрытие образа... Это же все, можно сказать, свое, родное.

— Ну что ж, дорогой, уговорили! Уж если вы так настаиваете, давайте действуйте! Скажите там, чтобы подобрали какой-нибудь сценарий похлестче. И чтобы приказик подготовили, завтра подпишу — и с богом, за работу!

— Спасибо, товарищ директор. Надеюсь оправдать доверие. Ну, я двинулся, а то еще кто из режиссеров не ровен час дорогу перебежит!

— Желаю творческих успехов, дорогуша. Да, стойте, минутку... А вы жизнь знаете?

— Василий Еремеевич, помилуйте! Скоро пятьдесят!

— А-а, ну тогда все в порядке. Ни пуха вам, ни пера!

— Можно к вам, товарищ директор?

— Заходите, слушаю вас.

— Еремеевич, родной, на коленях прошу, дай поставить фильм! Мечта моей жизни — дать народу то, что народ...

— Простите, что-то мне ваше лицо незнакомо. Вы кто будете?

— Из постановочного цеха мы, декорации ставим. Но не по душе нам декорации эти. То ли дело — картины ставить! Мне режиссуру подавай, вот мое призвание! Не погубите, товарищ директор! Дайте картиночку! Жена, детки малые... А я вам за это — экономно, девяносто процентов сметы... И картинку за две недели сварганю. Дайте фильмушечку, не пожалеете, христом-богом прошу. Землю буду рыть!

— Слушайте, а вы... это... справитесь?

— Я-то? Подумаешь, делов! Артистов пригласим, оператора наладим — и снимай себе вольсо!

— Ну что же, голуба, уговорили, попробуем. Скажите там, чтобы приказик подготовили.

— Большое спасибо, благодетель!

Век буду бога молить!

— Да, кстати, а фамилия ваша как?

— Мое-то? Лямзин — мое фамилие. А звать Петя.

— Ладно, Петя, в добрый час. Да, вот еще что, жизнь знаете?

— Еремеевич! Я-то?!

— То-то, ну, действуйте!

— Товарищ директор, подпишите, пожалуйста, чек, мне в банк за зарплатой.

— А, вот вас-то мне и надо, товарищ Замылкин! Хорошо, что зашли. Значит, так: вы теперь уже режиссер! Что это вы на меня так странно смотрите? Не прикидывайтесь, от меня ничего не скроешь. Знаю прекрасно, чек — это предлог, а сам постановочку захотел! Ну что ж, я не прочь. Годков-то вам сколько?

— Да уж скоро шестьдесят пять. Но, право, Василий Еремеевич...

— Ну что же, вот и отлично! Значит, и жизнь знаете и все у вас еще впереди. Как говорится, терпи, кассир, — режиссером будешь!

— Да ведь я...

— Не скромничайте, товарищ Замылкин, не скромничайте. Подумаешь, делов, режиссура! Мизансцены там, монтаж, раскрытие образов, кр. пл., зтм. — ничего такого особенного, справитесь, как миленький. Так что быстренько подбирайте съемочную группу. Правда, трудновато вам будет людей найти: весь народ в режиссеры разбежался. Да, вот еще: сценарий перед постановкой не забудьте прочитать, они у нас там, в сценарном отделе, навалом лежат, хватайте любой и — к творческим победам!

— Мальчик, ты чего тут?

— А я, дяденька, с экскурсией. Третий «Б»! Своих ребят потерял, никак выход не найду...

— А вот мы для тебя сейчас выход и найдем. Жизнь знаешь? Ишь, личико какое смышленное! Афанасий! Заходи сюда, хватай его! Директор приказал, чтобы всех излавливать, кто еще картин не ставит!.. Да ты не ори, мы тебя не обидим! Вот картинку закончишь, сразу и отпустим, ничего такого страшного. Да ты не брыкайся, не брыкайся!.. Вот черт, царапается!.. Что значит «не хочу»? Знаешь, как интересно! И тебе слава и тебе постановочные! Да брось ты орать! Я тебе, как фильм отснимешь, мороженое куплю и в кино свожу на «Трех мушкетеров»! Афанасий, держи его крепче!.. Помреж, суй ему в рот сценарий!.. Ну, слава богу, замолчал. Несите его в павильон, пока не очухался. А я побег. Может, мне дирекция тоже какую фильмушечку подкинет. А то в вахтерах работать сил никаких не хватает!..

— Что-то фильмы у нас какие-то неважные пошли?

— Да, с чего бы это? Вроде как зтм. — затемнение на руководителях студий нашло...

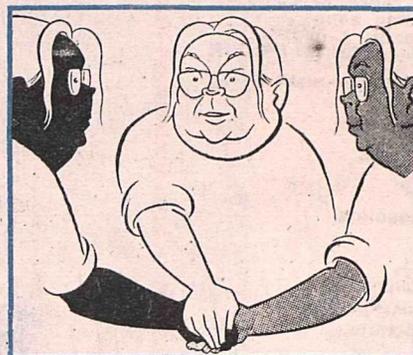
Ив. ГРОЗНЫЙ,
Бор. ГОДУНОВ

В ВЕСЕЛОМ КЛЮЧЕ

Эпиграммы А. РЕЙЖЕВСКОГО

Дружеские шаржи И. ИГИНА

А. МАЧАВАРИАНИ

Автор музыки к балету «Отелло» заканчивает работу над балетом «Гамлет».

Искал соавтора себе (Томилась без сюжетов лира), Прочел весь список ССП И наконец нашел... Шекспира.

А. БАБАДЖАНИЯ

Темперамент сей едва ли Могут выдержать роля, — От него за три версты Разбегаются мосты!

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ

О, если б парни всей земли Дорогой шли одной И песни сочинять могли, Как Соловьев-Седой, Тогда бы, безусловно, Я пел с ночи до утра Не только «Подмосковные» — Любые вечера!

С. КАЦ

Он несется по орбите «Звездным рейсом» и «Аэлите». Если свалится с небес, Сядет снова в «Брянский лес».

Дм. ПОКРАСС

Без прикрас хорош Покрасс! Это — раз. Песня старая жива! Это — два!

А в-четвертых, новых песен Продолжают люди ждать! И чтоб были эти песни Лишь с одной оценкой — Пять!

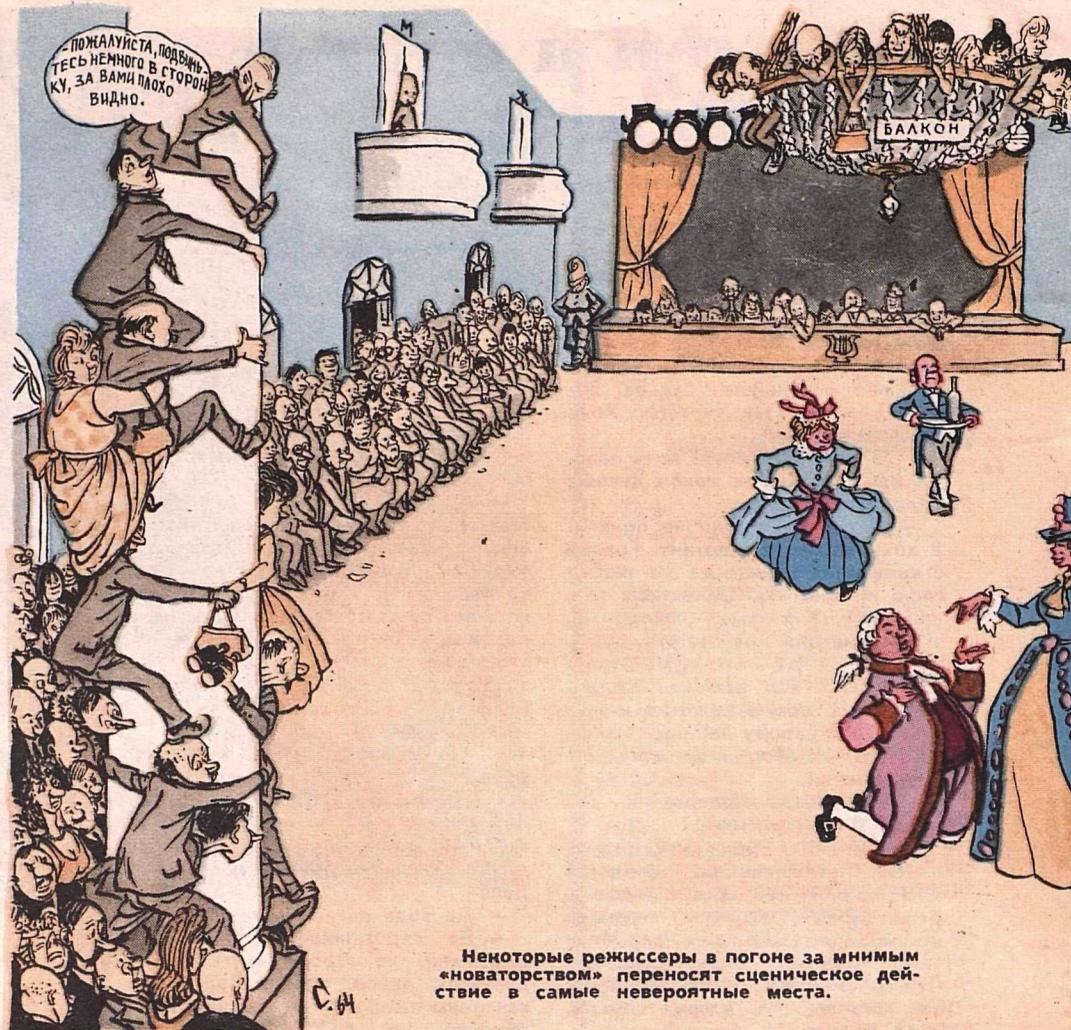
НЕ ТОТ БАРЬЕР

О миг преодоления,
Где ты,
Когда вдруг взбыхена спина
И нить борьбы в ушко продета...
...Мать слышит скрип твоих шасси;
Все под рукой качнулось
Креном.
Паденье, взлет, давленье сфер.
О эта вздыбленная вера
И переход за грань, в карьер...
Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

(«Барьерный бег»).

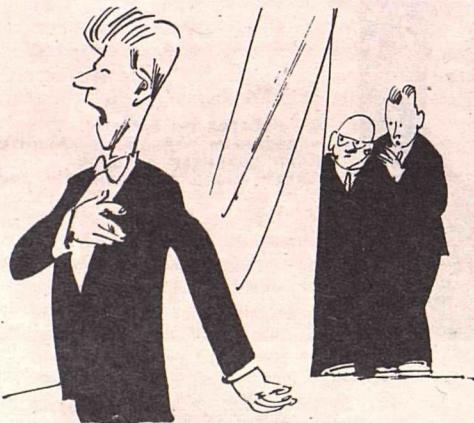
Был день чертовски необычен.
Не чуя под собою ног,
То взбыхен,
То опять разбыхен,
Скрипел четвертый позвонок.
Была гроза,
И редька с хреном,
Застряв в груди, мешала петь.
Я побежал со страшным креном,
Чтоб в поликлинику поспеть.
О руки!
Граблями воздеты,
Они вгнездились в перегоню.
И в уши яблоки продеты!
И вверх ногами шар земной!
Взлетая, падая, трубя,
Я понимал, что в центре мира
Неважно чувствует себя
На дыбу вздыбленная лира.
Но поздно.
Вдруг через барьер
Лечу, теряя чувство меры.
Карьер, вольера, интерьер,
Курьер и прочие химеры...
И, ощутив давленье сфер,
Я вскоре превратился в атом.

Так перешел за грань Поперечный. А жаль его — новатор!

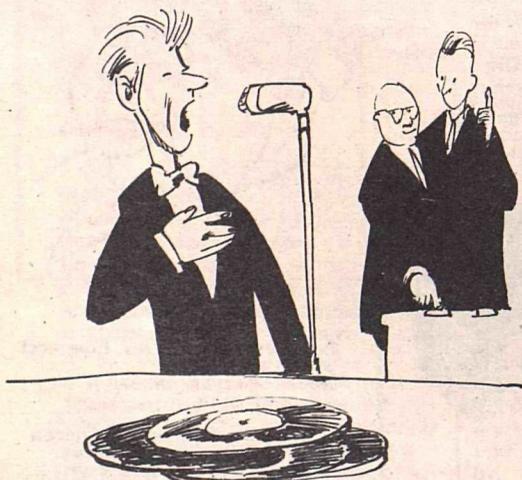

Некоторые режиссеры в погоне за мнимым «новаторством» переносят сценическое действие в самые невероятные места.

ВАРИАНТ СОВРЕМЕННОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПОСТ

— Этот артист неважно поет...

— Так и запишем.

Рисунок Ю. УЗБАЙКОВА

Эта надпись была вытатуирована на его мочуе предплечье. Ее окружали змеи, георгины и стилизованные женские груди. Были у надписи две особенности. Во-первых, слово «искусство» изображалось через одно «с». Во-вторых, неизвестный художник так увлекся, что разогнал первые буквы, и ему пришлось, сократив последнее слово, после «жер» поставить точку. От этого надпись стала выглядеть таинственно и грозно.

Однако занятие у татуированного человека самое мирное. Он был «лабухом» — так сами себя называют плохие музыканты. Часами он торчал на площадке перед городским отделением ВГКО, ожидая, когда его возьмут в какой-нибудь летучий ансамбль.

Перспектив было мало. К Лундстрему его в свое время не взяли потому, что он плохо играл. К Покрассу — потому что много пил. Эдди Рознер отверг его кандидатуру по обеим причинам.

Но какой солдат не мечтает стать генералом? И в тугой голове Толика — а его звали Толиком — шевелились смутные наполеоновские мысли. Манили неизведанные дали. Искусство требовало «жер». Но что такое «жер» и какую выгоду можно из него извлечь, Толик не знал, а художник не сказал.

Так бы и продолжалось прозябание, если бы не одна непредвиденная встреча. В этот день Толик возвращался с очередной халтуры на танцплощадке. Толик устал, замерз и взял такси.

Втиснувшись в кабину, он увидел рядом с водителем футляр от гобоя.

— Лабаешь, браток? — осведомился Толик на родном жаргоне.

— Играю, — спокойно ответил водитель.

— Для себя или подрабатываешь?

— Я в самодеятельном ансамбле, «Зеленый огонек», ансамбль таксистов — не слышали?

— Чудеса... И на каких же площадках работаете?

— А где угодно. На вечерах, в концертах, на смотрах. Мы даже на гастроли выезжали.

— На гастроли! Это ж идея! — ахнул То-

Искусство

лик и на ходу выбросился из машины, сунув водителю рубль без сдачи.

К вечеру было созвано совещание беспризорных «лабухов». Речь держал Толик.

— Мальчишки! Кто готов гореть за идею? Есть дело.

— Сколько заплатят? — осведомился мальчик, кутавший гусиную шею в импортный шарф.

— Пока ничего. Дальше — будешь иметь златые горы.

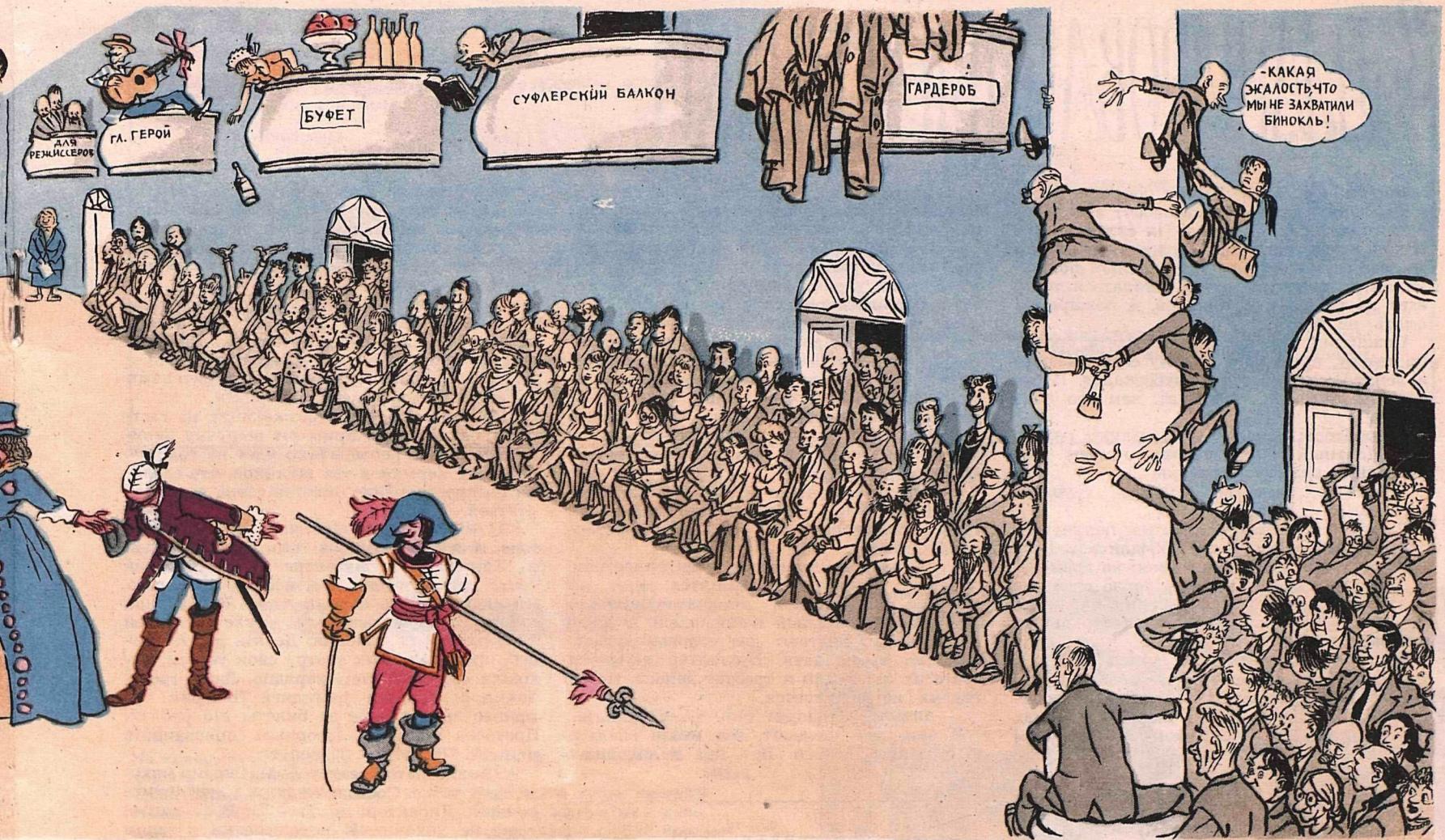
Толик в коротких, но энергичных выражениях разъяснил суть вопроса. От присутствовавших требовалось одно — найти себе профессию, дабы объединиться в новый самостоятельный оркестр.

— Мальчик, а что мы умеем? Я всю жизнь играл на ксилофоне и пил коньяк «три звездочки», — грустно произнес пожилой «лабух» с потасканной физиономией.

— Все ясно, — подытожил Толик. — Профессию нужно выдумать. Это дело беру на себя. ...Через неделю в местное управление торговли явились тридцать три богатыря. Узнав, что все они хотят быть продавцами мороженого, торговое начальство от радости лишилось дара речи. Тридцать три богатыря были оформлены без проволочек.

На следующий день город недоумевал. На людных перекрестках, у автобусных станций вместо рассеянных девиц и въедливых старушек возвышались молодцы с парикмахерскими проборами. Они жизнерадостно покрикивали на прохожих:

— Алё, не проходите мимо! Покупайте луч-

АНОВКИ

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕР.

Б. СУХАРЕВСКИЙ

шее в Европе мороженое нашего хладпрома! Через неделю в знакомый кабинет вошел скромный Толик.

— Скучно живем, начальник, — оказал он.

— То есть как? — не понял тот.

— Коллектив интересуется культурными развлечениями. Кружочек бы организовать.

— Какой кружочек?

— Скажем, музыкальный. Некоторые тут шикарно исполняют на разных музыкальных инструментах.

— Музыкальный? Гм... Это здоровая идея, — отметило начальство. — Но ведь придется приобретать инструменты?

— Об этом не беспокойтесь! — заверил Толик. — У некоторых совершенно случайно оказались шикарные машины. Пять саксов, бас, гитара, само собой...

В тот же день состоялась первая репетиция. Исполнить пару бегингов, модную песенку «Текстильный городок» и рокк, замаскированный под липси, стоило пару пустяков...

Через неделю было объявлено первое выступление самодеятельного джаза «Холодок». Оно прошло с бешеным успехом. «Текстильный городок» бисировался дважды. Начальство блаженствовало. В казенных кабинетах запорхали честолюбивые идеи. Не мудрено, что на первый же районный смотр самодеятельности «Холодок» выехал в полном составе. Натасканные «лабухи» легко сорвали первую премию.

За районным смотром последовал областной. А потом скромный Толик снова вошел в знакомый кабинет.

— У коллектива есть просьба, начальник, — сказал он.

— Пожалуйста, родненький, — расплылся начальник.

— Работать больше не можем. Репетировать надо. Повышать уровень.

— Я понимаю, родненький, — поник начальник. — Искусство требует...

— Жер, — подсказал Толик.

— Совершенно верно. Но, родненький, вы же не уйдете из нашей системы? От родных эскимо и пломбиров?

— Как вам сказать... — туманно произнес Толик. — Выросли мы.

— Я понимаю, понимаю... Мы вас загружать не будем. Скажем, раза два в месяц зайти, расписаться в ведомости, а?

— Два раза в месяц? — солидно прикинул Толик. — Обдумаем.

Вскоре после этого творчески выросший ансамбль «Холодок» выехал на смотр в Москву. Премии он там не получил, зато получил консультанта — композитора Биатлонского, известного специалиста в области легкой инструментальной музыки.

Добросовестный композитор полгода трудился над дремучими Толиковыми «лабухами». Что-то начало получаться. Ансамбль рванулся в гастроли. Во глубине России на один официальный концерт нетрудно было организовать пару-тройку неофициальных. Златые горы были уже не за горами...

Где-то по дороге Толик подцепил голодного конферансье и певицу-солистку — до этого она пела в вокальных ресторанах. Конферансье

заучил несколько старых анекдотов. Певица хриплым голосом при потушенном свете пела идейно порочные песни. Публика плакала. В Москве хмурились, но объясняли Толиковы ошибки болезнью роста.

...Читатель, очевидно, ждет неожиданного конца. По правде сказать, неожиданного конца в этой истории пока не предвидится. Последний раз я встретил Толика летом, в аэропорту. Он улетал в зарубежный вояж. Толик был одет в элегантную нейлоновую безрукавку, на груди его блестел серебряный значок ансамбля — эскимо на палочке. Покрикивая на носильщиков, он прошел мимо меня, и я в последний раз увидел его знаменитую тагуировку. Стоявший рядом знакомый спортсмен удивленно проводил Толика взглядом, и тогда я рассказал ему Толикову историю.

— Да, искусство требует «жер», — задумчиво произнес он. — Знал я одну девчонку. Свистела зверски.

— Что делала? — не понял я.

— Свистела. Художественно. У нее одного зуба не хватает — от рождения. Так что ты думаешь? Через этот самый зуб ее без экзаменов приняли в институт. В стоматологический. Теперь она на студенческих смотрах все первые премии гребет.

— Симпатичная девушка... Ты-то что сейчас подельваешь? — спросил я, чтобы переменить тему.

— Я-то? В хоккей играю.

— И где?

— Везде. Хочешь сказать: за кого? За город Коляевск я выступаю.

— Хороший город?

— А кто его знает... Два раза, правда, был в Коляевске. Проездом, — сообщил он.

Очевидно, искусство требует «жер» не только в области эстрады.

ТАЛАНТЫ
И
ПОКЛОННИКИ

ЗАПЛАНИРОВАННЫЕ СИНЯКИ

ТАЛАНТЫ
И
ПОКЛОННИКИ

Первыми об этом узнают почему-то гримеры. Они азартно размахивают завивальными щипцами «Золинген» и сплетничают. К концу дня знает уже вся труппа. И по тому, что глумление над театральным пожарником усиливается, можно догадаться: театр едет на гастроли в Харьков, и пожарника опять не берут.

Пожарник, как тень отца Гамлета, бродит по театру, проверяет систему сигнализации и лениво отлаивается от зубоскалов. Пусть едут на гастроли. Он знает, чем это кончится.

Декораторы и костюмеры пакуют реквизит. Платный гений театра — помреж дает последние ценные указания.

Потом с базарным шумом грузятся в поезд.

С этого момента коллектив повинуется одному человеку. Он из тех, для кого мир существует в трех измерениях: во времени, в пространстве и в рублях. Гордо стоит он в коридоре вагона и барабанит пальцами по стеклу. Он думает. Это театральный администратор.

Ранним периферийным утром администратор идет в местное управление культуры. Он входит туда скептиком, не верящим ни в бога, ни в электрификацию.

— Вы, конечно, не можете помочь нам найти распространителей билетов? — равнодушно говорит он.

— Не можем, — наплевательски говорят ему.

Тогда он возвращается в гостиницу.

— Меня тут не искали? — узнает он у дежурной. — Должны были искать... А, вот!

Сначала он слышит хлопчатобумажный свист их плащей, а потом и они сами планируют на него. Их много, чертова дюжина. Влажно блестя глазами, они окружают администратора и деликатно теребят пуговицы на его курточке.

— Будем знакомы... Могли бы способствовать... Знание зрителя... Законы сцены...

Они говорят, как заклинатели. Администратор привычно млеет.

— Вот наши документы, — суют они разноцветные книжечки с печатями, гораздо более смутными, чем привкус мяса в общепитовских супах.

Но с документами некогда возиться. Касса не продала и половины билетов, а завтра уже играть спектакль! И распространителей выпроваживают в массы, до

того наполнив их карманы билетами, что обычные гражданские штаны становятся похожими на галифе.

К вечеру, наблюдая полный зрительный зал, администратор так потирает руки, что его пальцы утрачивают способность оставлять дактилоскопические отпечатки.

Зал полон и на второй и на третий день.

А с пятого на десятый день администратор и бухгалтер начинают нервничать. Спектакли идут при полном зале, но выручка... Она соответствует лишь тому числу билетов, что были проданы через кассу.

— Что же ваши распространители? — жестяным голосом говорит бухгалтер. — Они сдадут деньги?

— Сдадут! — лепечет администратор и теперь вспоминает, что печати на документах трех распространителей были явно проставлены утюгом.

Атмосфера наполняется электричеством. В день отъезда вдруг слышится свист. Но это уже не дешевый хлопчатобумажный свист, а упоительный нейлоновый. В модных плащах влетают два соловья-разбойника из тринадцати. Бухгалтер пытается брать их за грудки и требует деньги. Но за грудки не получается.

— Деньги? — говорят они. — А-а, деньги...

И они рассказывают, как везли сдавать вырученные деньги. Вот так в ладошках

везли, чтобы не расплескать, но в трамвае на них напали другие соловьи-разбойники, карманной специальности, и украли половину выручки. Остальные распространители? Нет, им, двоим, ничего не известно про остальных.

В ужасном молчании труппа возвращается домой. Люди подавлены. Им больно представить, как будет издеваться над всеми пожарник. «Ну что? — скажет этот тип. — Зрительный зал был наполнен зрителями дотла? И выручку всю привезли?»

...Из сотен театров, выезжающих на гастроли, редко какой привозит выручку целиком. Часть ее неотвратно идет на толстую позолоту карманов тех жуликов, что сделали распространение билетов своей доходной статьей.

Картинка, представленная в нашем фельетоне, вовсе не пересказ того, как пострадал в Харькове и Луганске Архангельский театр драмы имени Ломоносова. Возможно, что-нибудь было и по-другому. Но так или иначе, театр недосчитался после гастролей 2176 рублей 61 копейки. Девять добровольцев, предложивших театру свои услуги, накрыли его более чем изрядно. Даже гражданин с ласковой фамилией Пистрик не принес вырученные за билеты 270 рублей. Протасов посчитал зорным присваивать меньше 876 рублей 25 копеек.

Администратор театра Л. М. Сквайр находится в тоске. Состояние души у него сумеречное. Директор театра Л. В. Левитин тоже не хохочет. И не они одни в таком трансе. Все, кто ездил на гастроли, потирают на своем подотчетном теле финансовые синяки и шишки. И даже планируют их на следующий год.

Между тем в управлениях культуры идет обычная работа. Как сапоги новобранцев, скрипят перья. Кто-то планирует, куда будущим летом поедут на гастроли местные театры, кого надо будет принимать у себя.

Товарищ инспектор культуры! Остановите перо, занесенное над бумагой. Впишите следующим пунктом: «Обеспечить приехавших гастролеров честными распространителями билетов».

Прикройте кормушки влажноглазых жуликов. Пусть будут наполнены «дотла» и зрительные залы и кассы.

А. М. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент Кронодила,
гор. Архангельск.

Юрий МАТВЕЕВ

Поняла

«Поэзия — вся! —
езда в неизвестное», —
Почитайте Маяковского,
уважаемая.
Сидит «уважаемая» рядом с поэтом,
Обработаны губы
лиловым цветом.
Бросает:
— Что ж, можно туда смотаться.
Незнамово. Воздух, птички.
Это как будто
километров двадцать.
Возьмем такси?
Или на электричке?

— Эх, прокачу!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

МЕЖДУ ПРОЧИМ...

— Руки у них загребущие! — с уважением говорил завмаг о гребцах-чемпионах.

г. Ленинград.

В. ЛОМАНЫЙ

Носильщик на речном вокзале работал со скоростью четыре узла в час.

По артикулу: перчатки для мальчика-с-пальчика, а величина каждого пальчика — с мальчика.

г. Ленинград.

В. КАРЛИНСКИЙ

— Различия у нас только в нюансах, — огрызнулся туня-дец. — Вы считаете труд удовольствием, а я удовольствие — трудом.

— О люди, люди! — квохтала курица. — Кричат, что они противники взятка, а попробуй не принести им каждый день по яичку — съедят!

г. Рига.

Ц. МЕЛАМЕД

Мастер сам был пьяница и учеников приобщал к выпивке. Уволили за соращение штатов.

Страшного суда баптист не боялся. Он боялся суда общественного.

г. Харьков.

М. ГОЛУБЧИК

В городе Энке поверили пассажирам. Все автобусы и троллейбусы пустили без кондукторов, а всех кондукторов перевели в контролеры.

г. Ялта.

Ю. ШАБАЛИН

Вл. МАСС, Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

КАК НАЗВАТЬ?

На совещанье худссвета
Сидели три авторитета.
Один авторитет — бывалый,
Имевший опыт, и немалый,
Другой — солидный, много
знающий,
А третий — юный, начинающий.

Повестка дня на совещанье
Вся улегалась в одной графе:
«Об утверждении названья
Для вновь открытого кафе».

Казалось бы, простой вопрос,
Но он в проблему перерос.

Все вроде бы закономерно:
Кафе оформлено модерно,
Без скатертей — одна пластмасса,
И никель есть,

и света масса,
Осталось только, чтоб названье
Не шло вразрез со стилем
зданья.

— Итак, друзья, начнем,
пожалуй! —

Сказал авторитет бывалый. —
Давайте думать, как нам быть,
Приступим, так сказать, к работе.
Вот тут есть мнение утвердить
Названье «МОЛОДОСТЬ».

Кто против?
— Что ж, я за «Молодость»
горой, —

Сказал авторитет второй, —
Названье «Молодость» годится
И для кино,

и для больницы,
Для ателье,
для ресторана,
Для ткани с примесью лавсана,
Для танца,

для мужской сорочки
И для любой торговой точки...
Названье это поэтично,
Оптимистично,
романтично...

Но молодой авторитет
Вдруг горячо воскликнул: — Нет!
Названье «Молодость» избито,
Как «Юность» или «Аэлита»!
Одеколон, крем для ботинок,
И пылесос, и новый рынок —

Повсюду «Молодость»!.. Как
назло

Она уже в зубах навязала!
Крестим мы ею то и дело
Любую вещь, любой предмет,
И «Молодость» так устарела,
Что превратилась в трафарет!
А как уйти от трафарета?
И это «Молодость» и это...
И люди путают давно
Крем для ботинок с новой
краской,
Расческу — с детской коляской,
Балет — с вином,
кафе — с кино!
А мы, мне кажется, могли б
Расширить несколько границы.
Есть, например, немало рыб,
Есть насекомые,
есть птицы...

— Перехватили, прямо скажем! —
Сказал авторитет со стажем. —
Вопрос совсем не так уж прост.
Чуть что — в ответе мы, учтите!
Кафе «ВОРОНА»?

Или «ДРОЗД»?
Вы это предложить хотите?

— А чем же «дрозд» плохое
слово?
По крайней мере будет ново,
Пока таких названий нет...

— А я придерживаюсь взгляда:
Раз нет, так, значит, и не надо! —
Сказал седой авторитет. —
Да, мы должны дерзать, и смело,
Но... до известного предела!
Вы молодой, и вам обидно,
А я скажу, куда ни шло:
Раз нет, так, значит, очевидно,
И нужно, чтобы не было!
Предусмотрительность нужна!
Названье «Молодость»
проверено,
Тут можно действовать уверенно,
Ошибка тут исключена.
И вообще...

Вот-с!.. Так-с!.. Да-с!..

Ясно?
Так, значит, как? Единогласно?
И хорошо...

Ведь как-никак
Названье «МОЛОДОСТЬ» —
верняк!..

КОМСОМОЛЬСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ

— Дедуся, передай своей внучке билет и поздравь ее со вступлением в комсомол, да только поторжественнее...

Рисунок С. КУЗЬМИНА

СООБЩАЕТ ИЗ АФРИКИ.

УВЕКОВЕЧИЛ

БРАЗЗАВИЛЬ. Президент Браззавильского Конго аббат Фюльбер Юлу в свободное время преда-

вался размышлениям о том, как бы увековечить свое имя. Среди жителей Черного континента за этим диктатором, другом и покровителем Чомбе, прочно укрепилось прозвище «африканского Салазара». Но Фюльберу Юлу хотелось чего-нибудь оригинального. Например, почему бы не назвать военный лагерь близ столицы именем... Фюльбера Юлу? Впечатляюще и свежо. Но вот в августе прошлого года восставший народ сбросил с пьедестала французскую марионетку. Что же касается славы, о которой

мечтал аббат, то народ не забыл об этой страстишке своего бывшего правителя. Сейчас Фюльбер Юлу заточен в лагере имени Фюльбера Юлу.

ДВА ВИДА ПОДЖОГОВ

ПОРТО-НОВО (Дагомея). Когда правительство Дагомеи приказало спустить португальский флаг над крепостью Сан Жао Батиста де Аджуда, воздвигнутой на африканской территории еще в XVII веке, салазаровский представитель в Дагомею сна-

зал: «Ах, так! Тогда гори все пропадом!» В знак протеста он поджег свою резиденцию, спалил личные бумаги и даже устроил костер из собственного автомобиля. После чего отбыл домой, в Португалию.

А в тех колониях, которые еще находятся под властью салазаровской Португалии, португальцы предпочитают жечь не свои дома, а хижины африканцев.

ЗАБОТА О ЛЮДЯХ

ЮЖНАЯ РОДЕЗИЯ. Уинстон Филд, глава правительства Южной Родезии, заявил: «Африканцам полезнее для здоровья жить не в городах, а в резервациях».

Любезность за любезность: беспокоясь о здоровье премьера-расиста, африканцы добиваются быстрее выселения Филда и ему подобных из Южной Родезии.

СВЕТЛАЯ РАДОСТЬ ЭКСПЕРИМЕНТАТОРА

ВИНДХУК (Юго-Западная Африка). Нет большей радости для ученого, чем успешно осуществленный эксперимент. Когда в колбах и змеевиках клоночущие растворы дают именно тот осадок, о котором ученый мечтал бессонными ночами, на глаза экспериментатора набегает хрустальные слезы счастья.

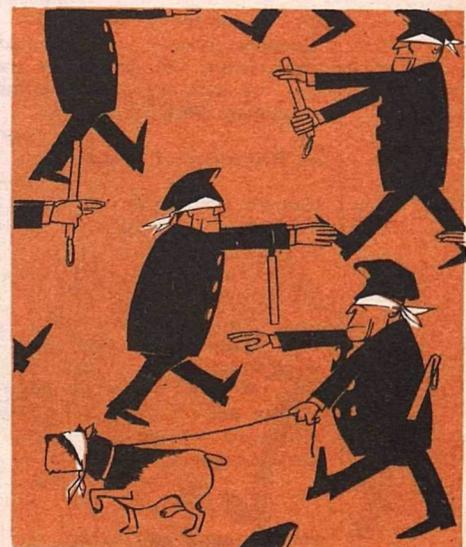
Подобное чувство пережил англичанин лорд Могем. Правда, свой смелый эксперимент он осуществил не в пробирке, а в одной из стран Африки. «Существует ли у вас здесь рабовладение?» — спросил любознательный лорд. «Нет», — ответил представитель властей. Тогда неутомимый исследователь отправился в глухую деревню. Опыт удался блестяще. За пятьдесят фунтов стерлингов лорд купил у нищего крестьянина двух дочерей. Лорд был счастлив вдвойне: и как экспериментатор и как рабовладелец.

— Ну, теперь не будут говорить, что у нас безголовое командование!

Рисунок Ю. ГАНФА

ДАЛЛАСКИЕ КАРТИНКИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НОКАУТЫ

Рой Веленский, бывший премьер-министр бывшей Федерации Родезии и Ньясаленда, в молодости зарабатывал на жизнь боксом. Говорят, он проворно орудовал на ринге, посылая своих противников в нокауты и нокауты, и даже завоевал звание чемпиона Родезии по боксу в тяжелом весе.

Должно быть, именно тогда, размахивая кулаками, он решил применить свои способности на политическом поприще. Тем более что одновременно он зарекомендовал себя и как чемпион расизма. А сочетание таких редкостных качеств в одном лице не могло не привлечь внимания антрепренеров—английских колонизаторов. Вскоре они предложили Рою Веленскому вместо маленькой площадки ринга широкую арену политической деятельности. В 1955 году поклонники талантов боксера-тяжеловеса подняли его тяжелый кулак и провозгласили Роя премьер-министром Федерации Родезии и Ньясаленда, созданной вопреки воле африканского населения.

До определенного момента Рою Веленскому сопутствовал шумный успех и на политической арене. Он одерживал сравнительно легкие победы над своими политическими противниками—африканцами. Колониалистская конституция лишила избирательных прав почти все коренное население. Выборы в парламент Федерации Родезии и Ньясаленда напоминали известный цирковой аттракцион: артист-эксцентрик надевает на руки башмаки, становится на четвереньки, накрывается длинным балахоном с двумя бутафорскими головами и четырьмя руками и в таком виде выходит на арену. Создается впечатление, что борются двое. Артист ставит сам себе подножки, бросает себя на ковер, применяет хитроумные приемы, стремясь положить «противника» на лопатки. Подобным образом много лет дурачил общественность и Рой Веленский.

Однако с некоторых пор прогрессивные силы федерации стали наносить чувствительные удары по расистскому режиму Веленского, и бывший чемпион по боксу начал все чаще попадать в политический нокаут.

Осенью 1962 года возглавляемая Веленским Объединенная федеративная партия потерпела поражение на выборах в парламент Северной Родезии. Даже многие белые голосовали против колонизаторов. Было сформировано африканское правительство. Веленский получил первый неожиданный и весьма ощутимый удар.

— Нокаут! Раз... два... три...

Веленский с трудом поднялся и, слегка пошатываясь, ринулся в контратаку. Схватка продолжалась, но вскоре расисты получили второй увесистый удар. В результате самоотверженной борьбы с колонизаторами народ Ньясаленда добился права выхода из ненавистой федерации.

Рой Веленский отправился в Лондон за советом и подмогой. Победоносно выпятив грудь и размахивая по

старой памяти кулаками, он держал грозную речь перед своими единомышленниками:

— Господа! Заверяю вас, что я не пойду ни на какие уступки этим черномазым. Я намерен нанести удар при первой же возможности. Гуд-бай!

Аэродром в Лондоне. Журналисты окружили Роя Веленского плотной стеной.

— Один момент, дорогой сэр Рой... Правда ли, что вы собираетесь покинуть ринг... то бишь подать в отставку с поста премьер-министра федерации?

— Чепуха!—отрубил Рой Веленский.—Некоторые лица хотели бы, чтобы я сам себя послал в нокаут. Но я не собираюсь им угождать! Я буду драться до последней капли крови и нанесу им сокрушительный удар. Более подробное интервью—после схватки. Гуд-бай! Гуд-бай!..

Под нажимом африканских лидеров Северной Родезии английское правительство, невзирая на протесты со стороны Роя Веленского, вынуждено было дать согласие на выход этой страны из федерации.

Еще удар!

Веленский снова в нокауте!

Придя в себя, Рой Веленский взорвался. В припадке ярости он хрипел:

— Я возмущен! Я протестую! Судья подыгрывал моему противнику. Я отказываюсь завтракать с теми, кто предал меня. Я буду драться до конца...

Вскоре правительство Англии под новым натиском африканцев опубликовало заявление, в котором признавалось право каждой территории, входящей в федерацию, на выход из нее.

Удар! Еще удар!

Веленский упал навзничь. Нокаут!

— Раз... два... три... четыре... пять... шесть... семь... восемь...

Сэр Рой издал слабый стон, но встать уже не мог.

— Девять... десять... Нокаут!

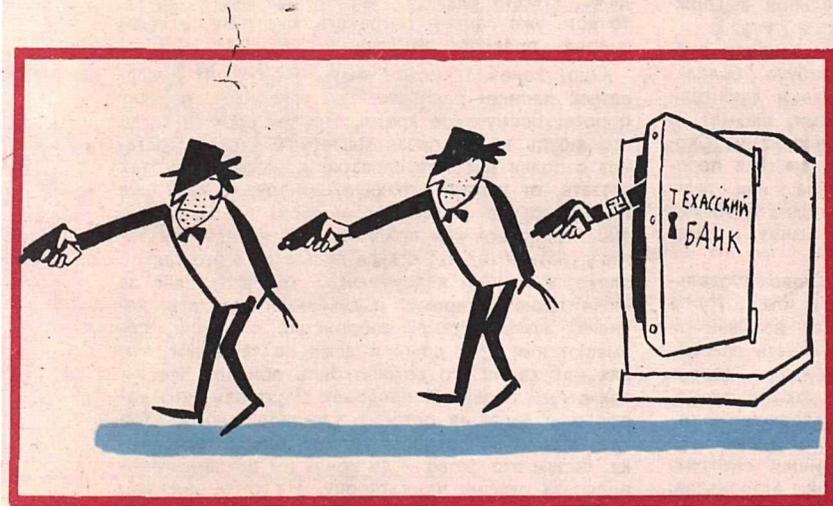
На этот раз обер-расиста унесли с ринга на носилках.

В ночь с 31 декабря прошлого года на 1 января 1964 года Федерация Родезии и Ньясаленда приказала долго жить.

Африканцы праздновали победу над своим заклятым врагом. В Северной Родезии 20 тысяч сторонников Объединенной партии национальной независимости организовали демонстрацию, во время которой инсценировали жизнерадостные «похороны» расистской федерации и ее премьер-министра Роя Веленского. Под смех и притворные рыдания они опустили в могилу черный гроб, а затем пели и танцевали до утра...

История раз и навсегда дисквалифицировала кулак как оплот колониализма. Да и самому колониализму самый беспристрастный в мире судья—время—отсчитывает последние секунды...

Н. ВЛАДИСЛАВСКИЙ

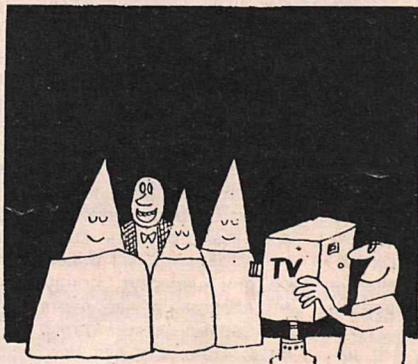
▲ Конца не видно.

Рисунок
А. ГРОЗЕВА
(Болгария)

Руби на прогулке.

Рисунок Ш. ГЕРЭ (Венгрия)

— Дорогие телезрители, разрешите представить вам типичных уроженцев Техаса...

Рисунок из журнала
«ПАЛАНТЕ И ПАЛАНТЕ»
(Куба)

Далласская полиция за работой.

Рисунок В. ХЛАВИНА (Чехословакия)

Жизнь, как известно, не стоит на месте, а идет вперед, развивается, двигается, как принято говорить, к лучшему. Появляются новые, никогда прежде не виданные вещи, возникают новые понятия, рождаются новые слова. Возьмем, например, спорт. Спорт появился давнó. И тоже не стоял на месте. Спорт креп. Развивался. Появлялись большие стадионы и даже Дворцы спорта. Спортивные состязания привлекали внимание зрителей, то есть уже не только самих любителей позаниматься спортом, но и просто любителей посмотреть. В этом ничего плохого, конечно, не было. Что ни говори, а в зрелище красивой спортивной борьбы, например, футбольного или хоккейного состязания, есть своя прелесть.

Однако среди этих так называемых любителей спорта на определенном этапе возникло нечто вроде заболевания или психического расстройства. У некоторых из них появилось «влечение — род недуга» из раза в раз ходить на спортивные состязания, особенно на футбольные игры. Многие для этой цели убегали даже с работы. В силу какой-то ненормальности организма подобного рода зрители слишком эмоционально и даже, можно сказать, болезненно воспринимали происходящее на футбольном поле: огорчались, когда мяч упорно «не шел» в те ворота, в которые им почему-то хотелось, или, наоборот, «шел» в те, в которые им не хотелось. Они излишне, то есть сверх меры, сочувствовали любимейшей им команде. Это было уже не просто сочувствие, а нечто вроде того патологического состояния, в котором пребывали существовавшие когда-то театральные психопатки, визгами и воплями встречавшие любимого тенора, преследовавшие его по пятам и пытавшиеся заполучить на память хоть клочок волос с его головы. Подобного рода любители спорта и сами чувствовали, что вся их беда — в болезненном состоянии, и, встречаясь друг с другом на стадионе, обычно спрашивали: — Вы за кого болеете?

И отвечали:

— Мы болеем за «Динамо».

Или:

— Мы болеем за «Торпедо».

Это «боление» доходило до того, что некоторые психопатические личности орали, как оглашенные, стараясь шумом повлиять на исход спортивной борьбы, выкрикивали оскорбления по адресу не понравившихся им судей, швыряли в них палками и камнями, бутылками из-под сокоградушной и даже, стыдно сказать, бросались с кулаками на игроков несимпатичных для них команд.

С появлением этих, так сказать, «заболевших» индивидуумов и родилось слово «болельщик». Это было меткое, хлесткое слово. Оно очень удачно отражало сущность народившегося явления. Корень «боль» мог пониматься здесь и как забота, боление душой о ком-то и в то же время указывал, что суть явления заключается в болезненном, ненормальном состоянии субъекта. Нетрудно было заметить, что слово «болельщик» употреблялось всегда в ироническом, издевательском смысле. Болельщик! Над ним посмеивались, о нем рассказывали анекдоты, на него рисовали карикатуры. Вспоминается, например, изображение одного слишком усердного зрителя хоккейного состязания, который до тех пор выкрикивал слово «Шайбу!», пока шайба действительно не влетела в его широко разинутый рот.

Но время шло. Слово постепенно просачивалось в гущу жизни. От частого употребления оно примелькалось, стало привычным. Некоторые туговаты на ухо люди даже перестали замечать его смысловую направленность, стали именовать болельщиком каждого пришедшего на стадион зрителя. В этом, правда, особенной беды еще не было. Ну, обозвал один другого болельщиком, что в этом страшного! Отрадным казался тот факт, что спортивные комментаторы, выступая по радио или телевидению, никогда не обзывали простых, рядовых зрителей этим обидным словом. Приятно было слышать, как комментатор говорил о них: «любители спорта», «любители хорошего футбола». Этот факт воспринимался как надежный заслон против распыления в Эвклидовом пространстве посредством электромагнитных колебаний всяческой сомнительной, хотя подчас и весьма выразительной, окологрунтовой терминологии.

Время, однако ж, сильнее нас. Под его напором не устоял и этот, казавшийся столь надежным заслон. Брешь была пробита несколько лет назад во время телепередачи очередного фут-

Николай НОСОВ

СЛОВО О СЛОВЕ

больного матча из Киева. Как на беду, репортаж вел один из тех комментаторов, которые не особенно горазды следить за чистотой своей речи. Говорил он примерно следующее:

— Вы видите, товарищи болельщики: кто-то сел верхом на центрального нападающего. Центральный нападающий искусно финтит. Сейчас корнер пробьет Каневский. Извините, товарищи болельщики, я ошибся. Корнер пробьет Лобановский.

Услышав (в который раз) слово «болельщики», я невольно задал себе вопрос: почему комментатор обращается только к болельщикам? Разве на этот раз у телевизоров сидят исключительно они? И тут же, конечно, сообразил, что комментатор попросту решил на этот раз откинуть приличия в сторону и всех вообще телезрителей называет огулом болельщиками. Оно, конечно, не совсем красиво, не совсем деликатно, да для него, видимо, проще. В общем, как бы то ни было, но почин был сделан, и в прорезию брешь хлынуло это юркое, обладающее огромной пролезающей силой слово.

Теперь уже не диво услышать по радио или телевидению такое прочувствованное обращение: — Дорогие товарищи болельщики!

«Болельщики» — нечто почти бранное, неуважительное — и вдруг «дорогие»!

Или такое, например, заявление диктора:

— Сегодня весь стадион переполнен болельщиками.

Со страхом думалось: неужели в этот день на стадион пришли только они, то есть люди недержанные, импульсивные? А не разнесут ли тогда к чертовой бабушке весь стадион? Становилось несколько жутковато. Но диктор как бы и не замечал надвигающейся угрозы и с торжественной, обаятельной, широкоэкранный улыбкой, захлебываясь от восторга, вещал, что в числе болельщиков сегодня люди весьма уважаемые, именитые, знаменитые. Вместе с остальными зачислял в болельщики и прославившихся на весь мир космонавтов, то есть людей, обладающих заведомо крепким здоровьем, исключительной выдержкой и нравственной силой.

Словом, лед тронулся. В печати зацвели рубрики: «Уголок болельщика», «Трибуна болельщика», «Дневник болельщика». Уже и любители шахмат перестали быть любителями шахмат, а стали попросту шахматными болельщиками. Скоро, надо полагать, и театральные зрители переименуют в театральные болельщики, или театральные психопаты, что, впрочем, одно и то же. А там, глядишь, и кинозритель исчезнет, и останется один киносих.

Набранное крупным шрифтом слово «болельщик» действует как оплеуха... Ну и что?.. Ну и ничего! Терпим! Привыкаем к так называемой словесной дряни. Стараемся не замечать оскорбления. Стараемся не думать об обидном, оскорбительном значении этого слова, как не думал, очевидно, и тот, кто его вписал в спортивный отчет или произнес, ведя репортаж со стадиона.

А там где-нибудь передачу детиски смотрят. Там старичок смиренный или старушка старенькая. Что же, значит, и они все болельщики? Конечно, все может случиться. Может попасться какая-нибудь закоренелая крикливая старушка, но не все же, не все старушки такие! Зачем их всех обзывать? Старость уважать надо. И детисек хотелось бы приучать сызмальства к вежливости. А то сегодня мы их болельщиками обзовем, а завтра они вырастут, придут на телевидение и такими словами в нас пустят, что закачаешься!

Конечно, комментатор не хочет никого оскорбить. Попросту для него весь мир поделится как бы всего на две части: тут спортсмены, а там болельщики; все, что не спортсмены, — болельщики. И никаких больше градаций нет. Для него

это и естественно и удобно. А для зрителя и неестественно и неудобно. Может быть, зритель и согласился бы в конце концов, чтоб его называли болельщиком, но тогда пусть того болельщика, настоящего (который с бутылкой), назовут как-то иначе. Нормальному зрителю, может быть, не хочется, чтоб его с этой несимпатичной личностью путали. Могут, конечно, сказать, что эта несимпатичная личность — попросту хулиган. Хулиган, однако, везде хулиган. Попадет на улицу — хулиганит на улице. Попадет в театр — нахулиганит в театре. А болельщик считает для себя нормальным распускаться только на стадионе. У него такое разнузданное, неуважительное отношение только к спорту. В сущности, он вовсе и не любитель спорта. Скорее всего он любитель острых ощущений, любитель азарта. Тем менее оснований сажать его под одну шапку с настоящим любителем спорта, называть их одним именем.

Да и суть дела здесь вовсе не в хулиганских выходках, а в том, что болельщик — существо пристрастное, необъективное, несправедливое. Оно, это существо, обязательно хочет, чтобы всеми правдами и неправдами победу завоевала его подопечная команда. А вот нормальному любителю спорта хочется, чтоб его любимая команда выигрывала только правдами. Ведь и нормальный любитель спорта может сочувствовать какой-нибудь команде. Это никому не запрещается. Он, однако ж, не будет рвать на себе волосы от досады, если победа достанется другой команде, если кубок, например, увезет к себе в Донбасс команда «Шахтер». Он даже порадуется этому, так как знает, что шахтерам гораздо труднее было вырастить у себя команду такого высокого класса, нежели, скажем, жителям Москвы или Киева. И порадуется он потому, что ценит в спорте больше всего труд, умение, силу, ловкость, красоту, независимо от того, встретит он эти качества в москвичах, ростовчанах или донбасцах.

А болельщик не так! Он сидит, злится и ерпенится, видя, что победа ускользает из рук его подопечной команды. И у него одна мечта: чтоб игроки ненавистной ему команды переломали себе ноги на поле, чтоб судья по ошибке назначил в их ворота пенальти. Вот почему в истинном любителе спорта зрелище спортивного состязания воспитывает лучшие чувства, делает его благодарней и чище, а в болельщике развивает дурные наклонности, делает его хуже.

Сказанного, впрочем, достаточно для понимания того, как трудно мыслящему, рассуждающему человеку согласиться с тем, чтоб его вот так, ни за что обзывали на каждом шагу болельщиком. Ему это обидно! Ему это, может, просто невыносимо. Ему, этому мыслящему человеку, может быть, хочется при этом куда-то бежать, что-то доказывать, кого-то хватать, на кого-то рычать и даже, стыдно сказать, кому-то затыкать глотку, то есть уже самому свирепеть и дичать, в свою очередь, проявлять хамство.

Оно, конечно, может быть, еще рано предаваться панике, рановато, как говорится, горячку пороть. Всему свое время. Придет срок, и тогда кто-нибудь из высокоавторитетных ученых достанет с полки древние словари и, пыль веков, так сказать, от хартий отряхнув, обнаружит, что еще в 1935 году в словаре этого слова не было, а в 1957 году оно уже появилось. И начнем мы тогда думать и гадать, откуда пошло оно, это гадкое слово, и начнем недоумевать, что это у нас за люди такие скверные: выдумывают, дескать, какие-то заковыристые, забористые словечки, обзывают ими друг друга и даже не замечают, что для них самих это должно быть обидно. Все им как с гуся вода!.. И невдомек будет нам, что народ наш выдумал острое, хлесткое слово, чтоб хлестать им по дряни, а вот мы, блюстители языка, берем это слово — да хрясь им по самому народу, по самому языкотворцу. На тебе, дескать, какой ты там к черту языкотворец, болельщик ты, вот кто!

Могут, конечно, сказать, что придирики все это или там ханжество. Нет, однако ж, не ханжество. Мы вовсе не за то, чтобы какие-то слова запрещать, объявлять нехорошими, изгонять начисто из языка. Каждое слово хорошо, если употребляется к месту. Можно не только болельщиком, но даже ослом обозвать человека, если он того заслуживает. Мы совершенно не против этого. Мы только против того, чтобы бросаться словами, словно какой-то дрянью, на ветер. Потому что ветер иной раз относит и бросает всю эту дряню нам же в лицо.

Рисунок Г. ИОРША

— Не иначе как у него своя рука в проруби!

Происшествия

ДЕЛО — ТАБАК

Дело в том, что проживает в Кунцеве наивный гражданин Ерофеев Ф. Ф. Не совсем твердохарактерный товарищ.

Так вот, этот гражданин Ерофеев Ф. Ф., бросивший некогда курить, однажды летом не выдержал и сплеховал. Допустил колеблющиеся мысли. Подумал о табаке: «А что, если я его, подлеца, нюхать начну? Может, и ничего это? Вон говорят, от чиханья голова даже проясняется!»

А допустив такие душевные шатания, он совершил наивный поступок. Написал в Министерство здравоохранения СССР письмо, пустячную, в общем, записку. Спросил: вредно человеку нюхать табак или напротив того?.. Да или нет? Одно слово — и делу конец.

И не учел Ерофеев Ф. Ф. того, что незначительным своим вопросом людей от важного дела оторвать может, заставить их подробный ответ формулировать. Есть потому что такое правило, чтобы все учреждения на все письма населения всегда реагировали. В порядке как бы борьбы с волокитой.

Так оно и вышло. Группа писем и заявлений при министерстве вынуждена была написать Ерофееву Ф. Ф. тридцать слов на краси-

вом бланке; так, мол, и так, на пустяки размениваться не можем и переправляем ваше письмо в Московский горздравотдел.

Переправили. Но и для горздрава вопрос Ерофеева тоже был слишком пустячного профиля. Объяснили это гражданину Ерофееву Ф. Ф. при помощи сорока слов на бланке, занумеровали его письмо исходящим номером «711—5600» и переслали в Мосгораптекоуправление.

Два месяца колебались в управлении: ихнее это дело, табак, или не ихнее? Не ихнее, оказалось. Так Ерофееву Ф. Ф. и сообщили. В 67 слов уложились аптекари.

А ерофеевское письмо тем временем уже за пределы Москвы поехало, в Научно-исследовательский институт лекарственных и ароматических растений.

Там оно пока и лежит. Куда его дальше направят, еще неизвестно, но гражданину Ерофееву Ф. Ф., проживающему в Кунцеве, это уже все равно. Нюхает наивный товарищ табачок, который месяц нюхает. И жалуется на здоровье.

Не дождался товарищ ответа, вот и пропадает ни за понюшку табачку.

Е. М.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Приписки в документах на выданный со склада спирт делал вынужденно, так как спирт выпивал и была недостача».

(Из показания.)

Сообщил М. ЕРШОВ.

г. Москва.

«Тогда он решил отомстить и повел разнузданную политику разрушения нашего детского городка под соусом шума и детских помех. Из недобрых он сколотил коалицию».

(Из письма.)

Доставила И. САНЬКОВА.

г. Краснодар.

«Свои неоправданные километры я оправдываю тем, что по пути в известковый завод сбился с пути и блуждал, бусуясь».

(Из объяснительной записки.)

Прислал Ф. БОЛГАЧЕВ.

Ставропольский край.

«Гл. бухгалтеру Совхозрабкоопы ЗАЯВЛЕНИЕ

от продавца Ревун.

Прошу мне уплатить за содержание кошки 1 руб. 50 копеек, так как в магазине имеется кот».

Доставил Б. РУДИН.

Ленинградская область.

«Тов. Бычковский за долготлетнюю работу награжден ценным подарком стоимостью в один рубль».

(Из акта ревизии ЦЭС Шахтерской комбината «Сахалинуголь»)

Переписал М. САЛЕЦКИЙ.

гор. Шахтерск.

Что нового в сатирическом цехе

«СЪЕДЕННЫЙ АРХИПЕЛАГ», книгу сатирических сказок и памфлетов Л. Лагина, выпустило издательство «Советская Россия». Книга вышла к шестидесятилетию писателя.

«СОВЕТСКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ, 1917—1963» — так называется иллюстрированный справочник, составленный С. Стыкалиным и И. Кременской. Справки о справочнике — в Госполитиздате.

«ОБРАЗЦЫ КРАСНОРЕЧИЯ» с упором на то, «КАК НЕ НАДО ВЫСТУПАТЬ», демонстрирует в Библиотеке Крокодила В. Ардов.

«АКАЦИЯ ЗА РЕШЕТКОЙ» расцвела в очередной книжке Библиотеки «Огонька». Автор составивших эту книжку фельетонов — А. Сунонцев.

«МАСШТАБНЫЙ НИКАНОР» предстал перед читателями в Библиотеке «Вожыка». А вывел его в люди белорусский поэт-сатирик А. Белевич.

«ОРУЖИЕМ САТИРЫ ПРОТИВ РЕЛИГИИ» боролись и борются советские карикатуристы. В изданный «Художником РСФСР» под таким именно названием сборник вошли рисунки и планшеты Д. Моора, В. Дени, М. Черемных, Курьянских, И. Семенова, А. Каневского и других авторов.

Рисунок Ф. САМУКАСА (г. Вильнюс.)

Николай СТАРШИНОВ

Петька, удалая голова

Такого сорванца и драчуна
И отродясь деревня не знавала.
Он дрался от рассвета дотемна
И всех в деревне побивал,
бывало.

То с кем-нибудь одним затеет бой,
То подерется он со всеми разом.
И ходит с непокорной головой,
Пугая всех своим подбитым глазом.

Давно бы учинить ему разбор...
Да проработать, чтоб не хулиганил...
Напившись, он взбирался на забор
И песни непристойные горланил.

И снова в драку.
Бил не в бровь, а в глаз.
Всем было ясно: с ним плохие шутики.

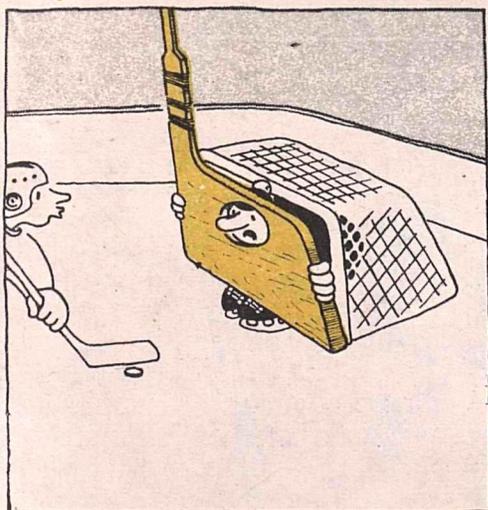
Ну, взялись бы, упрятали хоть раз
Его куда положено на сутки!

А здесь одни сочувствия слова
Бросали безответственно на ветер:
— Ах, Петька, удалая голова!
— Чего не натворишь ты только, Петя!..

А Петя начинает новый круг
И новые откалывает шутики...
Но все ему всегда сходило с рук:
Его обычно брали на поруки!

И вот сорвали голову ему,
И хлещет кровь вовсю струей пунцовой.

И это все случилось потому,
Что Петька был пегуч,
Притом бойцовый...

Глухая защита.

Рисунок О. КАНДАУРОВА

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКОВЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00309. Изд. № 22. Подписано к печати 18/1 1964 г. Формат бум. 70 × 108½. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 191. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

БРЕДВЫБОРНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ГОЛДУОТЕРА

4343

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

Всесоюзная
музыкальная галерея
Культурно-просветит.
1964 г.

